

Захарий Топелиус

КОЛОКОЛА

Сказки

Сакариас Топелиус

Колокола

Православное издательство "Сатись"

1898

Топелиус С.

Колокола / С. Топелиус — Православное издательство "Сатись",
1898

ISBN 5-7868-0024-5

Детской душе нужна сказка. Добрая, светлая, где добро побеждает зло, правда – ложь, где царствуют любовь и справедливость. Воспитывая в детях веру, благочестие, христианское смирение и терпение, не будем забывать о сказках. Ребенок, которому читают сказки, обретает очень важный душевный опыт – опыт торжества добра и любви, По сути – это первый религиозный опыт человека. В сказках Захария Топелиуса нет назидания и поучения, а есть Божий мир, добрые люди и свет Христовой Любви.

ISBN 5-7868-0024-5

© Топелиус С., 1898
© Православное издательство
"Сатись", 1898

Содержание

Предисловие	6
Колокола	8
Как железной дороге достались семимильные сапоги	15
Дважды два – четыре	21
Береза и звездочка	24
Бьерн Скуг	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Захарий Топелиус

Колокола

© Издательство «Сатись», составление, оригинал-макет, оформление,
2005 г.

Предисловие

Сказка сказке – рознь. Есть сказки, которые не дают почти ничего ни уму, ни сердцу и заключают в себе только какую-нибудь лишенную всякой идеи фантастическую фабулу. Есть другие, которые возбуждают в юных читателях добрые чувства, дают им ряд ценных поэтических картин, наводят на размышления, заставляют детское сердце откликаться на переживаемые героями радости и страдания и, по образному выражению проф. Вагнера (Кота Мурлыки), «ведут к добру, сеют отвращение к злу».

К числу сказок этого последнего рода принадлежат сказки финско-шведского писателя, профессора Захария Топелиуса. Эти сказки, переведенные теперь на все европейские языки, пользуются повсюду такой же славой, как известные сказки знаменитых сказочников Андерсена, Асбьернсена, Гримма, Гауффа, Перро и др., и заняли во всемирной детской литературе весьма видное место.

Захарий Топелиус родился 14 января 1818 года в Кудднесе, около Нью-Карлеби, в Финляндии. Его отец был сельский врач, который с любовью, в свободные минуты, записывал старинные народные песни и вселил в своем сыне любовь к народной поэзии. Будущий писатель, окончив среднюю школу в Нью-Карлеби, записался в студенты Гельсингфорского университета, в котором, по окончании курса, был профессором истории, а затем ректором. Скончался он в марте 1898 года.

Литературная деятельность Топелиуса началась очень рано: еще мальчиком он стал писать стихи. Впоследствии он выпустил четыре сборника стихотворений, которые имели большой успех в Финляндии, в особенности сборник «Полевые цветы». Кроме стихотворений он написал много рассказов, научных очерков, театральных пьес, книг для детского чтения и пр. Громадной популярностью пользуются в особенности его «Рассказы фельдшера», в которых, в ряде ярких картин, передана шведская история. Но самую большую известность доставили Топелиусу его сказки, которыми в Финляндии зачитываются все – и дети, и взрослые.

Трудно найти хотя бы одного грамотного финна, который не знал бы сказок проф. Топелиуса и не восторгался бы ими.

Из Финляндии слава сказок Топелиуса перешла в другие страны и сделала их популярными и любимыми среди детей разных народов. Героями сказок Топелиуса являются большей частью финны, но общечеловеческие черты этих героев в одинаковой мере свойственны и другим народностям, а потому и интерес сказок отнюдь не теряется, несмотря на их, так сказать, индивидуальный финский характер.

Отличительная черта большинства сказок Топелиуса – искренняя религиозность, соединенная с высокой поэзией, картинностью и глубиной мысли. При этом все сказки Топелиуса проникнуты бодростью, твердой надеждой на лучшее будущее и тонким юмором.

По своему характеру и содержанию сказки Топелиуса – сказки серьезные, но они написаны так живо, тепло и талантливо, таким ясным, простым, понятным и в то же время изящным языком, что являются одинаково доступными детям всех возрастов.

Известная поборница детского чтения, Х. Алчевская, в своем труде «Что читать народу», разбирая в отдельности ряд сказок Топелиуса и проверив впечатление, которое производят эти сказки на детей, говорит: «Мы горячо рекомендуем сказки профессора Топелиуса всем тем, кто искренно дорожит возможностью поселить в душе ребенка религиозные верования, соединенные с любовью к человечеству и идеалами добра и правды». Эта рекомендация вполне совпадает с мнениями, которые высказывают о сказках Топелиуса иностранные педагоги и критики.

Колокола

Они звонят себе да звонят эти великолепные, большие, звонкие колокола; их звон провожает мертвых к месту вечного успокоения, а живым напоминает о молитве Всемогущему, дух которого витает под сводами храма и во всей вселенной. Они звонят да звонят, призывая к молитве и миру, к добрым делам и покаянию; послушай, как ясно раздаются их звуки далеко по воде и земле! Когда ты слышишь их – звонят ли они к горю или радости – то благодари Бога в глубине души твоей за то, что Он так часто стучится в твое сердце, говоря тебе: «Приди ко мне!» Ведь это именно и твердят колокола изо дня в день: «Приди к Богу, приди, приди, ты бедное, заблудшее дитя, приди к Богу!» Их звуки льются к тебе с вышины небес, точно так же, как свет, тепло и все хорошее и прекрасное, исходящее от Бога с небес. Потому-то прислушайся к звону колоколов и помни, что они говорят тебе, тогда звуки эти снизошлют на тебя благословение, будь этот звон к жизни или к смерти.

Где-то (я знаю где, но ты должен сам угадать) стояла старая церковь. Церковь эта была меньше церквей, которые строятся в наше время, и сложена она была из камней, да из таких огромных, что трудно было представить себе таких сильных людей, которые могли бы поднять эти глыбы на такую высоту. У церкви была очень крутая крыша, на которой галки вили себе гнезда, а окна были маленькие и низкие с раскрашенными стеклами, уцелевшими еще с тех пор, когда Финляндия исповедывала учение папы. Внутри были картины до того истлевшие, что невозможно было различить красок. Изображения Девы Марии, Младенца Иисуса и двенадцати апостолов были сделаны из дерева; некоторые из этих изображений были когда-то позолочены, но теперь только и видно было, что паутину на головах святых да остатки позолоты на бородах апостолов.

Понятно, что церковь была очень старая. Никто даже не знал, когда она была построена; много поколений спало вечным сном на церковном погосте, но ни одно из них не знало более другого. Когда кого-нибудь спрашивали, как стара церковь, отвечали, что она немногим моложе мира, так как ее строили великаны... Хорош ответ; от него поуменьше!

Но теперь поговорим о колоколах.

Над церковью возвышалась башня, которая была так высока, что если взойдешь на самую вершину да еще встанешь на цыпочки, то видно было семь верхушек других церквей. Около самой башни находилась колокольня, но она была гораздо ниже, что, впрочем, само собой

разумеется, так как редко двое великих могут ужиться рядом. Колокольня была деревянная, выкрашенная красной краской. Когда-то ее целиком перевезли сюда на колесах, что так поразило всех, что об этом долго говорили. На этой колоколе было два колокола: большой и малый. Большой колокол был так же стар, как и сама церковь, так что никто не мог сказать, когда он начал звонить. На колокольне был написан стих из Библии и имя того, кто его вылил; это было хорошо и справедливо, так как, когда человека уже нет на свете, память о нем должна жить в том хорошем, что он сделал. Большой колокол перенес удивительные приключения. Во время большой войны, сто пятьдесят лет тому назад, его опустили на дно озера, чтобы спасти от рук неприятеля; но те, кто опустили этот колокол, умерли прежде, чем в стране наступил мир, так что никто уже не мог указать того места, где был потоплен колокол. Народ там был бедный и не мог завести себе другого колокола; искали по всему озеру, но колокола так и не нашли. Однако было одно существо, которое нашло след колокола: это была маленькая Лиза, дочь церковного сторожа, ей было всего шесть лет. Ее отец жил на берегу озера, и летом Лизе часто случалось, забравшись в отцовскую лодку, выезжать ранним воскресным утром на середину озера; и вот тогда-то ей казалось, что со дна до нее доносится колокольный звон. Об этом она говорила, возвратясь домой, но взрослые только улыбались на ее детскую болтовню. Раз в середине лета, рано поутру, когда солнце только стало показываться из-за темного соснового леса на противоположном берегу озера, Лиза, которая, по обыкновению, была на озере в своей лодке, опять услышала звон колокола, но яснее, чем когда-либо. Когда ее отец, по ее просьбе, выехал с другими помощниками на озеро, то они действительно нашли и вытащили колокол, который и был ко всеобщей радости водружен на новоотстроенной колокольне. С тех пор его звон стал раздаваться еще яснее и звучнее прежнего. Но яснее и прекраснее всего раздается его звон, когда умирает добрый человек; ведь у колоколов есть также сердце, хотя оно и из металла: они радуются вместе с ангелами Божьими, когда небо обретает новую душу.

Маленький колокол имел также свою историю, хотя и не такую удивительную. Когда окончилась война, народ опять стал собираться в старой церкви, но не было колокола, который призывал бы их к молитве, потому что в то время большой колокол еще лежал на дне озера всеми забытый. Откуда взять денег для нового колокола? Поселяне стояли да раздумывали, почесывая за ухом, что у нас всегда принято делать, когда надо основательно обдумать какое-нибудь серьезное дело. Но женщины и девушки знали, что делать. Они принялись прясть и ткать. Прялки жужжали день и ночь, и день и ночь челн, как стрела, летал через тонкую основу. Таким образом наработали они несколько сотен локтей¹ тончайшего полотна и думали, что этого-то уж наверное хватит на покупку нового колокола. Бедные! Они не знали, что металл дорог, а мастер, пожалуй, и еще дороже. Когда они предложили свое полотно мастеру в Стокгольме, то он давал им в обмен обеденный колокол, точь-в-точь такой, в который обыкновенно звонят на кораблях, когда каша подана и краснощекий повар, вооруженный большой ложкой, стоит в дверях кухни. Что было делать? Нельзя же было повесить на колокольню обеденный колокол! В это время королевой в Швеции была Ульрика Элеонора. До нее дошли слухи о полотне и колоколе, и ей очень понравилась предприимчивость финских женщин и девушек. Недолго думая, посадила она своих фрейлин прясть и ткать, и сама пряла и ткала вместе с ними. По всей вероятности, благородные дамы сморщили-таки свои носики, но в те времена делалось многое, что теперь казалось бы невозможным. Все, что таким образом было спрядено и соткано, купила королева, а деньги были тотчас же отосланы колокольному мастеру. И вот приобретен был, наконец, колокол, немногим меньше большого, но зато гораздо блестящее. А когда в первый раз раздался его ясный звон, то женщины плакали от радости, девушки набожно складывали свои руки, и все горячо благодарили Бога и добрую королеву; что же касается до

¹ Локоть равен приблизительно 3/4 арш.

того, что они сами сделали – это они считали такими пустяками, о которых не стоило и вспоминать.

Это – история колоколов. А теперь мы будем говорить о Лизе, дочке сторожа.

Ее отец, здоровый, плотный мужик, был сторожем, а вместе с тем и пономарем сельской церкви. По воскресеньям, после того как он отпирал церковные двери, он отправлялся тотчас же на колокольню, предоставляя прихожанам самим заботиться о себе. Ух, что за звон раздавался тогда! Тут-то маленькая Лиза потихоньку прокрадывалась вслед за отцом вверх по лестнице. Первое время ей попадали шлепки за такое преступление, но вскоре к этому привыкли, и Лиза быстро взбиралась по высокой лестнице, не глядя ни направо, ни налево. Там она тихо сидела и смотрела молча, как тяжелый, громадный колокол начинал раскачиваться: сперва он делал маленькие размахи, потом все шире и шире, язык начинал качаться, как маятник в стенных часах, и бум-м-м! ударялся о колокол, и из самого сердца металла вырывался могучий звук, который разносился далеко кругом. Все выше и выше взлетал колокол, пока, наконец, не заносился так высоко, что опрокидывался и на мгновение оставался неподвижно, как бы раздумывая, остаться ли ему в таком положении или упасть, но затем со звоном падал вниз и снова взлетал по другую сторону перекладины. И что за звон стоял в воздухе, что за треск раздавался по всей колокольне! Казалось, все стены готовы были обрушиться. Но как раз под самым серо-желтым колоколом сидела на скамеечке маленькая белокурая девочка; она молча улыбалась, и никогда не приходила ей в голову мысль, что колокол мог обрушиться на ее голову, как гора, так что от нее не осталось бы и следа.

Лиза любила свои колокола, как только можно любить что-либо на свете после Бога и своих близких.

– Берегись, – говорил ей отец, – если постоянно будешь слушать колокольный звон, то оглохнешь.

– А что это значит, отец? – спросила Лиза.

– Это значит, – отвечал отец, – что твои уши перестанут слышать все прекрасное на свете: пение псалмов, щебетание птичек и даже человеческий голос; и тогда ты одиноко погрузишься в глубокую, вечную тишину.

– Могут ли глухие слышать колокольный звон? – спросила опять Лиза.

– Да, пожалуй, – сказал отец, – я думаю, что, по большей части, глухие слышат колокольный звон.

– Ну, тогда какая же в этом беда? – сказала Лиза.

Однако случилось то, чего боялся отец. Чем старше становилась Лиза, тем тише, казалось ей, становилось вокруг нее. Сперва, когда она, бывало, летним вечером слышала писк комара в лесу, ей казалось, что это отдаленный звон колоколов. Понемногу все звуки, достигавшие ее ушей, начали казаться ей колокольным звоном: щебетание птичек на ветках березы, шум водопада, веселый говор людей, собиравшихся по воскресным вечерам на церковном пригорке – все отзывалось в ушах Лизы, как ясный звук металла. И все-таки, несмотря на это, Лиза не могла расстаться со своими милыми колоколами. Наконец, все заметили, что Лиза глуха, и многие были опечалены этим, но больше всех горевал ее отец, так как добрее и лучше девочки не было во всем селе. Но этому горю нельзя было помочь, и скоро об этом перестали думать. Когда девочка, по обыкновению, тихо и с ласковой улыбкой шла к колокольне, народ говорил:

– Посмотрите-ка, вон сторожева Лиза, которая не слышит ничего, кроме колокольного звона!

В то время Лизе было десять лет и она играла так же, как и другие дети ее возраста, только ее игрушками были большие колокола. Она называла колокола: Большой Золотозвон и Малый Золотозвон. Она нежно выговаривала им, когда они плохо звонили, и хвалила их, когда они звонили хорошо. Она говорила с ними, и они отвечали ей своими металлическими голосами; она понимала их говор лучше людского, ведь она больше ничего другого и не слышала.

Но не думайте, однако, что жизнь Лизы была чем-нибудь особенно замечательна и что поэтому я и рассказываю про нее. Ее внешняя жизнь немногим отличалась от жизни других людей, проводящих свои дни в спокойном однообразии деревни. Но она была одна из тех, кого

уже с самого нежного возраста церковные колокола призывали к Богу более, нежели других, а потому-то мы не могли не вспомнить ее, говоря о колоколах.

Все тише и тише становится свет вокруг Лизы, и понемногу все тысячи тонов и звуков замерли для нее навеки, и только призывающий голос колоколов звучал у нее в ушах: «Приди к Богу! Приди к Богу!» Но тем более душа и мысли ее обращались к Богу, и все земное казалось ей только как бы отражением чего-то или сном, и только Бог один казался ей высоко добрым, прекрасным и достойным вечного поклонения. Она походила на тихую поверхность воды, которая в прозрачной глубине своей отражает солнце и звезды, всегда нося в своих недрах изображение бесконечной красоты.

Звон колоколов провожал Лизу через всю ее жизнь, как и всех людей вообще, хотя многие этого не замечают.

– Не могу понять, что случилось с малым колоколом, когда тебя принесли в церковь для крещения, – говорил ее отец, – никогда не слышал я, чтобы он раньше когда-нибудь звонил таким чудным серебряным звоном. Другое дело, если б это был большой колокол, который еще со времен папы: ведь в нем есть серебро; мой отец рассказывал, что мастер влил в металл расплавленную статую святого из Рима. Этот колокол заколдованный – это я знаю по погребальному звону. Каждый раз, как надо звонить на погребение мошенника или негодяя, слышится такое дребезжание и стон, точно в колоколе трещина. Но зато, когда он звонит за упокой души доброго человека, вот тогда-то у него совсем другой звук, тогда он звонит так нежно, что звон его похож на пение псалма или молитвы; вот ты сама услышишь это, когда он будет звонить для тебя, милое дитя. Однако, что за вздор я болтаю, – прибавил сторож, смеясь. – Точно кто-нибудь может слышать свой погребальный звон.

Лиза смотрела на его губы, угадывая, что он говорит и отвечала по обыкновению кротко и ласково:

– У колоколов есть также рассудок и сердце, и колдовство тут ни при чем, отец. Когда добрая душа покидает землю, то она сливается со звоном колоколов и несется вместе с ним к небесам. Тогда душа передает звукам свою прелесть, и они, ясные и звонкие, несутся через прозрачный, голубой воздух прямо к Богу.

– Да, да, мы, верно, услышим это в Троицын день, когда ты в первый раз пойдешь к причастию, – сказал сторож, и на этом разговор прекратился.

Но вот настал Троицын день. Сторожевой Лизе исполнилось шестнадцать лет, и она вместе с другими молодыми девушками шла первый раз к причастию. В этот день сторож хотел звонить как можно лучше, да и колокола сами также хотели этого. Это было утро юного лета, когда все в природе кажется молодым и свежим, как цветущее дитя. Колокола звонили набожнее и торжественнее, чем когда-либо; никогда звуки эти не были такими чистыми и глубокими, и народ, который шел по дороге в церковь, неся в одной руке башмаки, а в другой молитвенник, завернутый в носовой платок, ускорял шаги и говорил:

– Господи, как дивно звонят сегодня колокола!

В церкви раздавалось пение псалмов, и молодые девушки, одетые в белое, подошли к алтарю. Там стоял добрый и благочестивый священник, призывающий благословение на них, и они удостоились святых Таин, которые приняли с благоговением и слезами. Последней подошла сторожева Лиза. Она одна из всех не слыхала ни пения псалмов, ни благословений священника; она слышала только звон колоколов, но эти звуки были для нее и псалмом и благословением. Она читала божественные слова на губах священника и хорошо понимала их; да, она благодарила Бога даже более других, и этот день она стала считать одним из прекраснейших в своей жизни.

Два года спустя Лиза стояла в той же церкви невестой. Ее женихом был сын псаломщика; он часто приходил на колокольню, когда Лиза сидела с шитьем, и разделял со сторожем труд, звоня в малый колокол.

– Сегодня надо звонить радостно и живо, – воскликнул сторож, и ему было так весело, что он, наверное, протанцевал бы на одной ноге, если б не был так стар.

– Берегись, – закричал он своему соседу, который на этот раз звонил в малый колокол, – берегись, чтобы пола твоего кафтана не попала между колоколом и языком, а то колокол лопнет, и королева Ульрика Элеонора перевернется в гробу. Гей, и раздастся же теперь звон!

При этих словах сторож изо всех своих сил наступил на подножку, так что колокол сразу стал вверх ногами и раздался удар, который разнесся далеко по горам и долам. Бим, бом, раздавалось радостно и весело: и вот по дороге двинулась свадебная процессия с музыкантами во главе. На Лизе был надет венок; она слышала звон колоколов, но ничего другого не слышала она в день своей свадьбы, и все-таки она была так счастлива...

Еще прошел год, и Лиза принесла в церковь своего первенца для крещения. Опять звонили колокола так весело, и опять не слышала она ничего, кроме их звона, но зато она видела столько прекрасного: она видела свое улыбающееся дитя. А колокола, казалось, звонили в это солнечное утро так весело, точно радуясь за молодую мать.

Опять прошло несколько лет, и вот мы видим Лизу провожающей своего первенца к преждевременной могиле. Малютка лежал тихий и бледный в своем белом гробике с зеленым венком на крышке. Молодая мать плакала. А колокола опять звонили в этот туманный день осенней непогоды... их звон был нежен, как молитва дитяти, но вместе с тем печален, как утраченная надежда и как прекрасная, но погибшая мечта о будущем.

Прошло еще несколько лет, и наступил день, когда сторожева Лиза в первый раз повела свою дочь к причастию. Колокола звонили, как в былые дни, а лето снова стояло во всей прелести юного расцвета и как бы прислушивалось к знакомым звукам, исходящим из сердца металла. Счастливая мать также прислушивалась к ним всем своим сердцем и плакала от радости.

Года шли за годами и многих унесли в могилу, тогда как на смену возрастало молодое и здоровое. А колокола все звонили и к радости, и к горю.

Лиза проводила к вечному покою своего отца, старого сторожа, своего мужа, потерю которого горько оплакивала; она схоронила четверых детей и почти всех друзей молодости. Расцветало молодое поколение: она проводила свою дочь невестой к алтарю, она носила крестить своих улыбающихся внуков. И каждый раз слышала она колокольный звон, и каждый раз из глубины своего сердца она благодарила Господа как за радость, так и за горе.

Наконец наступило Рождество, которое застало Лизу старой и седой, окруженной молодежью – живым и милым воспоминанием прошедших дней. Она вспомнила свое детство, когда этот праздник ей был так мил, и попросила детей свезти ее рано поутру в церковь. Дети исполнили ее желание, хотя и неохотно, так как боялись за ее здоровье: зима была суровая, а в эту декабрьскую ночь стоял трескучий мороз, и звезды ярко сияли на темном небе.

Весело зазвонили бубенчики; сани, перегоняя друг друга, неслись по дороге в церковь. Но вот засияли старые раскрашенные окна, и Лиза еще раз услышала звон своих милых колоколов. Эти звуки показались ей самыми прекрасными во всем свете, и из ее груди вырвался благодарный вздох, который в морозном воздухе понесся к небесам в виде облачка пара. Когда же она вошла в церковь, она обернулась к своим детям, пораженная и обрадованная:

– Я слышу пение псалмов, – сказала она.

Дети удивились и говорили:

– Что бы это могло значить, что мать вдруг услышала псалмы, которых не слышала с десятилетнего возраста?

Однако, когда служба кончилась, и колокола снова зазвонили, они увидели, что старушка заснула со сложенными руками, заснула вечным сном и перешла в лучший мир. Тогда они сказали:

– Теперь мы знаем, почему мать услышала псалмы. Когда заря вечности восходит над земным мраком, на добрых и благочестивых в последний час находит просветление, и они опять видят, чего до тех пор не видели, и слышат, чего давно не слышали. Ибо они уже наполовину перешли в бесконечную премудрость небесную.

И снова звонили колокола; они звонили за упокой ее души, за упокой души той, которая так любила их и так долго не слыхала ничего другого, кроме них. Они звонили так хорошо, и их серебристый звон неся в морозном воздухе, как благословение и молитва, и народ, собравшийся около церкви, набожно сложив руки, говорил:

– Теперь колокола звонят за упокой души сторожевой Лизы. Господи Боже, как прекрасен колокольный звон!

Как железной дороге достались семимильные сапоги

Жили-были на краю света два колдуна. А где край света – этого никто доподлинно не знает, но если он существует где-нибудь, то не иначе, как у Берингова пролива, где старый и новый свет смотрят друг другу в глаза. Я там не бывал, но Норденшельд говорит, что туда-таки порядочно далеко.

Итак, там жили два колдуна, два брата, как ходили слухи, но этого о них нельзя было бы сказать. Того, который жил на Осткапе, где кончается Азия, звали Бирренбурр, а того, который жил на мысе Принца Уэльского, где начинается Америка, звали Бурребирр. Пролив между ними был такой ширины, что оба колдуна отлично могли видеть друг друга своими зелеными кошачьими глазами и говорить друг другу «на здоровье», когда сосед чихал.

Оба колдуна прикидывались добрыми друзьями и ездили друг к другу с визитами на китах во всю прыть, так что вода так и шипела кругом. Места, кажется, было вдоволь каждому в своей части света, но они все-таки постоянно завидовали друг другу, и каждый только и думал о том, чем бы досадить другому. Они разукрасили свои владения высокими горами одна выше другой для того только, чтобы иметь возможность с вершин наблюдать, что каждый делает в своем жилище. Громадное удовольствие доставляло им устраивать бури с вихрем, чтобы хорошенько засорить друг другу глаза песком и мелкими камнями. Занимались они также тем, что один науськивал белых медведей на скотину другого. Ведь у таких больших помещиков и скотины было вдоволь. Мамонты были их свиньями, киты шли за коров, а моржи за баранов.

В один прекрасный день Бирребурр и Бурребирр вздумали со всеми своими подвластными мелкими колдунами предпринять увеселительную поездку на остров Св. Лаврентия, который лежит одиноко в океане немного к югу от Берингова пролива. Вокруг них, насколько хватал глаз, расстилалось море, спокойное, как зеркало, и киты стаями играли на поверхности моря, совсем как уклейки играют в солнечный день в спокойном заливе. Это все показалось колдунам слишком однообразным; чем бы позабавиться хорошенько в такую чудную погоду? Один из них дунул бурю, которая так и завывала; другой устроил густой туман на море. Уж и была же погодка, коли даже киты, которые хорошо выносят всякую непогоду на море, должны были запрятаться на полмили под воду; но это-то и казалось колдунам необыкновенно забавным.

Затем колдуны устроили несколько невинных игр. Они бросали друг в друга, точно рябиной, большими глыбами гранита; опрокинули целый лес, подожгли его и палили головешками

друг другу бороды. Потом они начали меряться силами и пробовали плечом сдвинуть гору; пытались они также выпить весь океан и втягивали в себя воду. Вода бросилась им в голову, и вот они начали бегать взапуски и только тогда вспомнили, что они на острове, когда один за другим шлепнулись в море.

– Нет, – сказал Бурребирр, вытирая с бороды морскую пену, – здесь тесно бегать взапуски. Давайте-ка ловить солнце: посмотрим, кто его поймает!

Все колдуны нашли, что это очень умно придумано. Они порешили, что побегут за солнцем, поймают его за красный воротник и запрячут в мешок. Какой чудный мрак распространился бы тогда! И никогда больше не пришлось бы им щуриться от противного дневного света.

– Давайте биться об заклад на одну часть света! – закричал Бурребирр. – Я побегу за солнцем в ту сторону, где оно восходит из-за гор.

– Эка штука! – сказал Бирребуurr. – Надо только лечь спать на горе и пораньше встать, вот и поймаешь солнце за ворот. Вот я так хочу поймать солнце там, где оно садится. Думаю, это будет похитрее.

Ладно, они ударили по рукам и побились об заклад на одну часть света. И вот оба поспешили домой, чтобы надеть семимильные сапоги.

Бурребирр соображал так: «Я побегу к востоку через Северную Америку, и если мне не удастся изловить солнце на горах Аляски, то я наверное поймаю его на Клипбергене».

Бирребуurr думал: «Я побегу к западу через Азию, а уж там ничего не может быть легче, как поймать солнце на большой Сибирской равнине – там есть где разбежаться...». У-у-у! Вот они пустились в путь так, что семимильные сапоги только заскрипели.

Эта погоня за солнцем не обошлась без приключений. Сперва я расскажу про Бурребирра. Он побежал, как и хотел, по Северной Америке через Аляскинскую равнину к востоку и достиг гор с тем же названием; на этих-то горах он и предполагал подкараулить солнце. Пробежать сотни миль через равнину было еще не так трудно, но влезть на высокую гору было нелегкое дело.

– Уф, – сказал Бурребирр, когда он добрался наконец до самой верхушки, – нельзя сказать, чтобы это была удобная лестница! Я отдохну тут минутку и буду караулить, когда взойдет солнце.

Вот он уселся на вершине, наскреб под себя немного мху, чтобы было помягче, да и уснул. Там на горе не было ни будильника, ни утреннего кофе, и вот случилось так, что, когда Бурребирр проснулся, солнце уже высоко стояло на небе и светило ему прямо в глаза.

– А-а, да ты, кажется, еще смеешься надо мной, – пробормотал Бурребирр себе в бороду. – Так погоди же, уж завтра ты не уйдешь от меня на Клипбергене.

Нечего делать, пришлось опять бежать к востоку до Клипбергена, на вершину которого Бурребирр и вбежал с разбегу. «Ну, теперь я уж не засну, – подумал он, – положу себе в бороду осиное гнездо, а в каждый семимильный сапог по муравейнику...». Сказано – сделано. Легко себе представить, что уж в эту-то ночь Бурребирр не сомкнул глаз ни на минуту. Когда на востоке занялась утренняя заря, он спрятался за уступом скалы, чтобы солнце его не видало, и стал сторожить. Мешок был тут же наготове: в него Бурребирр собирался запрятать солнце, как брюкву какую, лишь только оно покажется над скалой.

– Раз... два, три... – не успел он сосчитать и до десяти, как солнце взошло. – Вот, вот! – и Бурребирр схватил солнце, так что только затрещало и искры посыпались, но искры были слишком горячи. Бурребирру показалось, что он в кузнице трогает добела раскаленное железо. Ай-ай! Бурребирр обжег пальцы, опалил бороду, нос и глаза и полетел вниз с горы, как мяч; он бежал, бежал, сам не зная куда, до тех пор, пока не свалился в большое Медвежье море, которое ты можешь искать на карте. Там нашел его один американский доктор, который сжалился над несчастным колдуном и отправил его куда-то в лазарет, где он, вероятно, лежит и до сего дня

с пластырем на носу и ждет, когда отрастет его опаленная борода, чтобы в приличном виде показаться своим подвластным колдунам у Берингова пролива.

Но что же случилось с Бирребурром? Вот я тебе расскажу сейчас. В то время в Кэмпелэ к югу от Улеборга жил кузнец по имени Паво со своей женой и детьми; был у него сын Ойва. Строили там как раз тогда железную дорогу, и у Паво была куча работы за молотом и наковальней. Раз как-то вечером, когда Паво вернулся домой усталый после дневных трудов и уселся с детьми за кашу, Ойва сказал:

– Отец, в дверь царапается собака.

– Пойди посмотри, – сказал Паво.

Ойва открыл дверь, и в избу ввалился с мешком на спине старый, бородатый, отрепанный колдун, который был не особенно-то приятным вечерним гостем. Дети подняли крик.

– Ну, ну, – сказал кузнец, – кто ты такой?

– Я Бирребурр, – отрекомендовался колдун. – Вот уже трое суток, как я бегу с семи-мильными сапогами на ногах: хочу поймать солнце. Я пробежал всю северную Азию и теперь голоден, как кит. Мне некогда было даже чесаться и мыться. Первый вечер солнце уползло на ночь в реку Лену, во второй вечер оно скрылось в реке Обь, а сегодня в третий вечер оно запряталось как раз за твою избу. Я думал поймать его здесь, но оно, верно, проскользнуло в слуховое окно и улеглось спать на чердаке. Дай-ка мне фонарь: я пойду поищу его на чердаке.

– Это еще что за глупая болтовня? – сказал кузнец. – Ловить солнце!

– Ты считаешь это глупым? Да это одна из самых умных моих выдумок! Я побился об заклад с Бурребирром на одну часть света; вот я и хочу во что бы то ни стало засунуть солнце в этот мешок! Эй, давай-ка скорее фонарь, не то... ты разве не слыхал, что я колдун? – и Бирребурр как бы в шутку выбил ногой целую стену из избы.

– Послушай-ка, – сказал кузнец, – если ты будешь так буянить, то я пошлю за ленсманом², чтобы он потребовал у тебя свидетельство от священника. Почему же ты не схватил солнце, когда оно садилось в Лену или Обь?

– Да потому, что я не люблю мокнуть. Для моей бороды это не совсем-то здорово.

– В таком случае тебе не удастся скоро поймать солнце. Ведь оно ушло не за мою избу, а оно село в Ботническом заливе.

– Так я завтра побегу вокруг Ботнического залива и поймаю солнце в Швеции или в Норвегии.

– Нет, дружище, так будет еще хуже: ведь для Швеции и Норвегии солнце заходит в Атлантическом океане.

– Но что же тогда делать? – вздохнул озабоченный колдун. – В океане-то, пожалуй, уж слишком мокро.

– Однако послушай, – сказал кузнец, – сделай одолжение, поставь стену на место, тогда мы потолкуем о деле, как добрые друзья. Не покушаешь ли, старина, немного каши?

Старина почесал за ухом, поставил стену на место и уселся за стол, чтобы отведать каши. Но напрасно сделано было это приглашение. Кому неизвестно, чем дело кончается, когда колдуны садятся за стол? Сперва Бирребурр съел кашу, чашку из-под каши и ложку, потом масленку, блюдо с салакой и хлебницу и в заключение весь стол.

Кузнец смотрел с удивлением, но когда он увидел, что колдун все еще не насытился и бросает подозрительные взгляды на детей, он нашел за лучшее пригласить своего гостя в кузницу.

– Пожалуйста, – говорил Паво, – может быть, тут найдется кое-что по вкусу.

Но гость не заставлял себя упрашивать.

² Земский полицейский чиновник.

– Да, – сказал Бирребуurr, – у меня, действительно, аппетит недурной после прогулки через Азию. Покорно благодарю! – После чего он съел одно за другим: щипцы, молот, подковы, гвозди, угли и под конец, в виде десерта, мехи.

«Посмотрим, – подумал кузнец, – неужели этому чудовищу придется по зубам и наковальня».

– Пожалуйста, без церемоний!

– Нет, спасибо, – сказал Бирребуurr, – сладкое под конец! – и с этими словами он выбрал из горна несколько раскаленных угольев и осторожно, чтобы не опалить бороду, сунул их себе в рот.

– Давненько уже я так вкусно не ужинал. Если я к утру проголодаюсь, то я могу еще съесть кузницу и детей.

– Да неужто? – сказал взбешенный кузнец.

– Ну что за церемонии, за неимением лучшего и это сойдет. Но как мне поймать солнце? – вздохнул колдун.

– Да это вовсе не так трудно, когда есть семимильные сапоги, – отвечал кузнец.

– Вот было бы хорошо, если б оно село не в воду! Дело в том, что каблуки на моих сапогах сделаны из такого железа, которое бежит само собой.

– Да что ты? Возможно ли это? А можно ли приковать такой каблук к чему угодно?

– К чему хочешь. Все побежит само собой. Но, кстати, я кое-что вспомнил. Каблук на моем правом сапоге немного отстал, когда я бежал вчера через Уральские горы. Прикуй-ка его к завтраму, да покрепче. А я пока прилягу отдохнуть у горна: я немного устал.

Бирребуurr сбросил правый сапог, улегся враспашку на вымазанном сажей полу и вскоре захрапел так, как только могут храпеть колдуны после трехдневной прогулки через всю Азию в семимильных сапогах.

Кузнец призадумался.

«Съест моих детей и мою кузницу к завтраку? Нет, старый колдун, не бывать этому никогда! Ты уж и без того наделал в доме достаточно беспорядка. Уж не пришибить ли мне тебя, чудовище? Нет, этого я не сделаю, ведь как бы то ни было, а он мой гость... Или не стащить ли мне с него другой семимильный сапог и удрать с обоими? Это было бы презабавно, но ведь это значит, пришлось бы украсть, а для этого Паво слишком честен. Нет, теперь я знаю, что я сделаю: я оставлю старине оба сапога, но правый каблук я немного поправлю».

– Ойва, пойдй скажи матери, что я сегодня ночью буду работать в железнодорожной кузнице. Пусть она не боится колдуна: он спит как убитый.

Кузнец взял правый сапог колдуна, отломил каблук, пошел на железнодорожную кузницу и выковал там новый каблук из обыкновенного железа; этот каблук он приделал на место старого к сапогу колдуна.

«Ну, пусть-ка теперь старое чудовище попрыгает на одной ноге по семи миль», – сказал он себе.

«Так вот как, – думал кузнец, осматривая семимильный каблук, – это-то и есть то железо, которое так шибко бежит. Оно было бы как раз кстати на локомотиве!»

Случилось так, что именно в эту ночь на железнодорожной кузнице поправляли сломанное колесо от локомотива. Паво потихоньку вковал семимильный каблук в это колесо.

«Ну, каблук, теперь ты набегашься вдоволь!» – подумал Паво и рассмеялся.

На следующее утро была проба локомотива, и вот он побежал сам собой, понесся во всю прыть, так что никакие тормоза не могли его остановить.

– Что такое случилось с локомотивом? – вскричал железнодорожный мастер. – Прежде он плелся, точно вол с возом сена, а теперь летит как стрела.

– Локомотив находит, что по Улеборгской железной дороге слишком медленно ездят, и он хочет показать, как поезда ходят в Англии, – сказал Паво.

– Стоп! Стоп! – кричал железнодорожный мастер. И, о диво! семимильный каблук имел настолько сапожной смекалки, что понял команду, повернул назад и остановился смирно в ожидании следующих приказаний.

– Да ведь это самый быстроходный локомотив на свете! – воскликнул восхищенный мастер.

– Ему да не быть быстрым? Да он в три дня пробежит всю Азию, – отвечал Паво.

Когда Бирребуurr проснулся, он увидел свой правый сапог с новым каблуком, надел его и собрался было опять отправляться в погоню за солнцем. Но при первом же шаге, о горе! левая нога вылетела вперед, точно пушечное ядро, тогда как правая тащилась сзади, как самая обыкновенная нога в сапоге из смазной кожи. Это было слишком затруднительно. После двух или трех шажков на одной ноге вернулся Бирребуurr, запыхавшись, назад в кузницу. Как теперь быть, как же ухитриться бежать за солнцем на одной ноге?

Кузнец Паво, который уже думал, что совсем отделался от этого голодного чудовища, теперь не на шутку испугался за своих детей и за свою кузницу.

– Послушай, старина, – сказал он, – видел ты, как солнце только что исчезло за облаком?

– Видел, но что ж из этого? Ведь оно это часто делает, – вздохнул колдун.

– Не тут-то было! Больше ему уж никогда этого не сделать! Ты забыл на кузнице свой мешок. Я хотел услужить тебе, пока тебя здесь не было и расставил силок из проволоки на верхушке сосны, из-за которой, как ты заметил, недавно выглядывало солнце. Ждать пришлось недолго, и скоро солнце попало в силок, и вот я засунул его в твой мешок.

– В мой мешок? Ах ты, милейший кузнец из всех кузнецов от Берингова пролива до Уле-аборга! От радости готов сейчас же съесть тебя, так как я опять чувствую прекрасный аппетит после скачки на одной ноге.

– Очень благодарен, – отвечал кузнец, – но не хочешь ли ты сперва убедиться, действительно ли солнце в мешке?

– Конечно, мой бесценный друг! Где мешок?

– Да вот он!

– Ишь, как оно кричит и брыкается в мешке (кузнец засунул в мешок поросенка). Ничего, ничего, пищи себе сколько хочешь, теперь уж ты крепко сидишь в мешке, и я выиграл часть света. Теперь наступит чудная тьма, и колдуны будут царить на всем свете.

– Да ты посмотри! – подбодрял его кузнец и приоткрыл немного мешок.

– Что ты делаешь? Вдруг оно выскочит? Ведь оно ух как хитро! Уж лучше я сам влезу в мешок, – сказал колдун.

Раз, два, три – и колдун сидел в мешке, а кузнец сейчас же крепко-накрепко затянул веревку.

«Вот так счастье, что колдуны так непроходимо глупы», – подумал кузнец, завязывая на всякий случай еще глухой узел.

В мешке поднялась ужасная возня и крик.

– Ой, оно кусает меня, – кричал колдун.

– И ты кусай! – отвечал кузнец, запер кузницу и пошел в избу, чтобы отдохнуть от ночных приключений.

Но почему же колдун, который мог выбить целую стену из избы, не мог разорвать мешка? И вправду, отчего? Не понимаю! Может быть, старик вывихнул себе ногу или натер ее, когда должен был плясать на одной ноге.

Долго ли колдун Бирребуurr сидел в мешке, куда он хотел засунуть солнце, этого я тебе хорошенько сказать не могу, так как в газетах про это не писали. Слышал я только, что добрый кузнец Паво утешал своего пленника надеждой когда-нибудь по железной дороге вернуться к Берингову проливу, так как все равно на одной ноге туда не доскачешь. Но надежда эта и вправду скоро осуществится, так как русские уже строят туда дорогу. Ведь теперь у железной

дороги семимильные сапоги: ей нетрудно будет пробежать через Азию. Но поймают ли когда-нибудь железная дорога солнце – это другой вопрос. Железная дорога, так же как и колдуны, боится воды, а солнце имеет дурную привычку освежаться вечером в море.

Каждый раз, как я вижу детей, которые ловят солнце зеркалом и пускают зайчиков на стене, я думаю про Бурребирра и Бирребурра. Попробуй-ка его поймать!

Дважды два – четыре

Заяц и белка были так дружны между собой, что называли друг друга попросту Иессе и Курре³.

– Здравствуй, Иессе, – сказала белка, когда они встретились в лесу.

– Здравствуй, Курре, – сказал заяц. – Не слыхал ли ты, не лаяла ли сегодня какая-нибудь собака?

– Кроме Пономаревой Приссе никого не слыхал. Но уж Приссе-то меня ни чуточки не беспокоит.

– Ну, еще бы! Кому придет в голову бояться Приссе! – отвечал храбрый Иессе. – Да будь он ростом хоть с лошадь!

– Давай-ка пойдем на промысел, – сказал Курре. – Все, что мы добудем, мы разделим поровну.

Я получу ровнехонько столько же, сколько и ты, а ты получишь ровнехонько столько же, сколько и я.

– Ладно, я согласен, – отвечал Иессе.

Сказано-сделано. Они отправились на промысел и делили между собой все по-братски.

Когда им попадалась рябина, Курре влезал на дерево и бросал красные ягоды Иессе вниз. Попадалось ли им поле с капустой, Иессе перегрызал сочные кочни и тащил их Курре.

Раз как-то нашли они четыре яблока на дороге. Калле, из поместья Нюгорд, шел рано поутру в школу и нес на спине сумку. В сумке у него было полхлеба, кусок сыра, бутылочка молока и четыре яблока, которые ему дала мать за то, что он получил хорошие отметки. В сумке оказалась небольшая дыра, через которую яблоки и проскользнули одно за другим и попадали на дорогу.

Вот Иессе и Курре начали делить между собой добычу. Сперва Курре взялся за дело и разделил так: одно яблоко он отдал Иессе, а три оставил на свою долю.

³ У шведов и финнов в простонародьи многим животным дают шуточные названия, например: заяц – Иессе, белка – Курре, медведь – Налле, поросенок – Нассе, кот – Мурре и т. д.

– Э-э, постой-ка, – сказал Иессе, – верно ли это? – И вот Иессе начал делить по-своему: одно яблоко он дал Курре, а три оставил себе.

– Однако, послушай, – сказал Курре, – мне кажется, что так будет не лучше прежнего. – И они думали да раздумывали, как бы это ухитриться разделить так, чтобы обоим досталось поровну.

В это время Калле вздумал полакомиться по дороге яблоками. Он полез за ними в сумку и начал искать, но напрасно. «Они, верно, упали из сумки», – сказал он себе и пошел назад, чтобы разыскать свое потерянное сокровище. Вдруг он видит: на краю дороги сидят Иессе и Курре, а яблоки скатились в канаву.

– Посмотрите-ка, да ведь это Иессе и Курре! – удивился Калле. – Послушайте, не видали ли вы моих яблок?

– Да вот мы как раз хотели делить между собой четыре яблока, – отвечал Курре, – но мы никак не могли сообразить, как это сделать так, чтобы нам обоим досталось поровну.

– Да ведь это совсем нетрудно, – сказал Калле. – Каждый из вас получит по два яблока.

– О-го! – с удивлением воскликнули Курре и Иессе. – А как ты это знаешь?

– Как же мне не знать, что дважды два – четыре? Да ведь я хожу в школу.

– Вот удивительно! Так в школе учат, что дважды два – четыре?

– В школе учат всему, – отвечал гордо Калле.

– Вот так штука! Ну, а ты, неужели же ты все знаешь?

– Да, почти все. Я умею считать до семью семь, но дальше я не совсем-то помню.

Иессе и Курре не могли вдоволь надивиться такой поразительной учености. Однако они решили воспользоваться добрым советом, выбрали яблоки из канавы и начали делить их по правилу – дважды два – четыре.

– Да ведь яблоки-то мои! – вдруг вспомнил Калле.

– А он и это знает! – воскликнули Иессе и Курре. – Да, чего только не знает этот мальчик! А хорошо было бы попасть в школу и сделаться таким же ученым, как и он.

– Пойдемте! – предложил Калле. – Идите за мной, я как раз туда иду. Вы можете забраться под скамейку; только, чур, сидите там смирно: в школе шуметь нельзя.

– А собак там нет? – спросил Иессе.

– Собак? Вот еще! К чему в школе быть собакам? Впрочем, иногда приходит Приссе с Пономаревым Вилле и прокрадывается в школу, но его сейчас же выгоняют.

– А вдруг он укусит нас?

– Приссе укусит! Да он такой добрый, что только смеется, когда я тащу его за хвост.

– Он смеется? – Иессе и Курре посмотрели друг на друга. Никогда не слыхивали они, чтобы собаки смеялись; ну да чему только не выучишься, когда попадешь в школу? Чего доброго и они могли бы выучиться смеяться.

И вот оба друга порешили идти с Калле в школу.

– Мы, кажется, не трусы, – сказал Иессе.

Путь не показался длинным таким хорошим прыгунам. Скоро Иессе и Курре были уже в школе; им удалось так тихо и ловко прокрасться под скамейку, что никто их не заметил. Дети сидели по своим местам; вошел учитель и начал спрашивать урок: восемь восемь, сколько будет?

«Вот это немножко похитрее, чем дважды два», – подумали Курре и Иессе и наострили уши.

Но едва начался урок, как потихоньку вошел Пономарев Приссе.

По всему было видно, что он привык, что его всегда выгоняют. Он поджал хвост и собирався скрыться под скамейкой. Но вдруг он начал чихать, нюхать, ворчать...

– Вон, Приссе! – закричал учитель, – убирайся-ка подобра-поздорову!

Но Приссе уже был возле скамьи, где он нашел нечто весьма подозрительное, и давай лаять.

По счастью, одно из окон было открыто.

И началась тут скачка через столы и скамьи.

К неописуемому удивлению детей в окно выскочили Иессе и Курре и за ними Приссе.

Общий переполох, крик и хохот, и все бросились к окну. На этот раз так никто и не узнал, сколько будет восемью восемь.

Иессе и Курре неслись, что было сил к лесу, а вплотную за ними летел добрый Приссе. Но, увы, Приссе был теперь далеко не добрый: хвост у него стоял торчком, язык свесился на сторону, он даже не давал себе времени лаять, а только издавал какие-то тонкие, визгливые звуки, как это делают собаки, когда нападают на свежие заячьи следы. Погоня продолжалась таким образом до опушки леса. Здесь Курре не трудно было избавиться от беды: в одно мгновение взобрался он на высокую ель и исчез в ее густых ветвях. Приссе, от которого так неожиданно ускользнула добыча, остановился у ствола ели и начал неистово лаять. Но это был напрасный труд! Курре не был настолько глуп, чтобы вылезти из своего убежища. Когда Приссе налаялся наконец до усталости, он, сконфуженный, вернулся в школу несолоно хлебавши.

Тем временем Иессе мог спокойно искать себе спасения в лесу. Когда все наконец утихло и врага нигде не было видно, оба друга сошлись снова на полянке под можжевельным кустом. Если бы им в самом деле удалось выучиться смеяться, то, наверное, весь лес вторил бы им. Но хотя они этого искусства и не знали, они все-таки умели быть веселы по-своему и презабавно вышучивали свое приключение.

– Мы, кажется, не трусы, – говорил Курре и при этом пресмешно передразнивал, как Иессе скакал, удирая от Приссе.

– Нет, а ты слышал, как Приссе визжал? – спросил Иессе, немного сконфуженный тем, что так хвастал. – Никогда бы я не поверил, что Приссе умеет так нежно петь.

– Приссе такой добрый, Приссе только смеется, когда его тащат за хвост, – опять передразнивал Курре.

– А мы-то еще думали, что Калле знает все!

– Положим, в школе можно выучиться многому, хотя это еще не значит, что знаешь все, если знаешь, что дважды два – четыре.

Береза и звездочка

Знаю я еще одну сказку из давно прошедшего времени про мальчика и девочку, которые всю свою жизнь стремились только к одной цели. Многие ли из нас могут сказать то же самое про себя?

Около ста семидесяти лет тому назад в Финляндии было большое несчастье. Бушевала война, города и деревни пылали, посевы уничтожались, а люди погибали сотнями тысяч от меча, голода и страшных болезней. Повсюду было горе: везде раздавались стоны и вздохи; куда ни погляди, только и видно было, что слезы, кровь да пепел; и те, кто дольше всех старались не терять надежды, под конец не знали на что и надеяться. Бич Божий разразился над страной со страшной силой, и то ужасное время никогда не забудется. Вследствие стольких несчастий многие семьи рассеялись: одних увели в неприятельскую страну, другие бежали в необитаемые леса или в далекую Швецию, и жена не знала, где ее муж, брат не знал где сестра, а отец и мать не знали, живы ли еще их дети или умерли.

Во время этой долгой войны в числе многих других были уведены также двое маленьких детей, брат и сестра. Их увели в далекую чужую страну, где они нашли приют у добрых людей. Года шли, брат и сестра росли, и жилось им хорошо, но при всем своем благополучии они не могли забыть отца с матерью и родины.

Когда распространился слух, что в Финляндии мир и что все, кто хотел и мог, имели право вернуться туда, то детям стало слишком тяжело оставаться в чужой стране и они стали просить, чтобы их отпустили на родину.

Люди, приютившие их у себя, улыбнулись и сказали:

– Отпустить вас на родину? Глупенькие дети! Да знаете ли вы, сколько надо идти? Более ста миль.

– Нам это все равно, – отвечали дети, – лишь бы нам идти на родину.

– Но разве не нашли вы у нас новую родину? У вас все есть в избытке: вы едите вкусные блюда, пьете молоко, у вас есть теплая одежда, вы живете в красивых комнатах и вас окружают добрые люди, которые любят вас от всего сердца. Чего же вы еще хотите?

– Да, – отвечали дети. – Но мы хотим идти на родину.

– В вашей стране большая нужда и недостаток во всем. Вам придется жить в большой бедности: мох будет служить вам постелью, жилищем вашим будем шалаш из ельника, холод и ветер постоянно будут преследовать вас и древесная кора будет вашим хлебом насущным. Ваши родители, сестры и братья и все ваши друзья давно уже умерли. Стараясь найти их следы, вы найдете лишь следы волков, которые рыскали по сугробам, возвышающимся над тем местом, где некогда стояло ваше жилище.

– Да, – отвечали дети. – Но мы хотим идти на родину.

– Но ведь десять лет прошло с тех пор, как вас увели оттуда. Тогда вы были маленькими неразумными детьми: брату было пять лет, а сестре четыре года. Теперь вам всего пятнадцать и четырнадцать лет, и вы совсем не знаете света. Все забыли вы: и дорогу на родину и даже своих родителей; и как вы забыли их, так и они забыли вас.

– Да, – сказали дети. – Но мы хотим идти на родину.

– Но кто покажет вам дорогу туда?

– Бог, – отвечал мальчик. – Кроме того, я помню, на дворе моих родителей стоит большая береза, на которой поет много хорошеньких птичек при восходе солнца.

– А я помню, – сказала девочка, – что вечером сквозь листву березы светит звездочка.

– Глупенькие дети, – сказали им чужие люди, – то, о чем вы просите – глупость, которая повела бы вас к гибели. – И детям запретили думать об этом.

Но чем больше им запрещали, тем более дети думали о своей родине и делали они это не из-за непослушания, а потому, что желание вернуться к себе на родину овладело ими всецело и непреодолимо. Наконец, в одну лунную майскую ночь мальчик, который не мог сомкнуть глаз вследствие дум, сказал своей сестре:

– Ты спишь?

– Нет, – отвечала она, – я не могу спать, я все думаю о нашей родине.

– Так же, как и я, – сказал мальчик. – Давай свяжем наши вещи в узел и бежим отсюда. Мне все кажется, что я слышу голос Божий, который постоянно говорит мне: «Иди домой! Иди домой!». А что Бог велит, то не может быть грехом.

– Да, – сказала сестра.

И они потихоньку ушли.

Ночь была чудная, луна обливала своим светом дороги и тропинки. Некоторое время дети шли молча, наконец девочка сказала:

– Знаешь, брат, я очень боюсь, что мы не найдем дороги на родину.

Брат сказал:

– Будем постоянно направляться на северо-запад, туда, где заходит солнце в середине лета: там наша родина. А когда мы увидим на дворе березу, сквозь листву которой светит ясная звездочка, то мы можем быть уверены, что нашли наш дом.

Через некоторое время сестра опять сказала:

– Знаешь, брат, я так боюсь, что дикие звери или разбойники нападут на нас.

– Бог защитит нас, – ответил брат. – Разве ты не помнишь молитвы, которой учили нас дома, когда мы были маленькими: «Куда бы я ни направил свой путь на свете, судьба моя в руках Божьих».

– Да, – сказала девочка. – И Бог пошлет своих ангелов, чтобы вести нас по чужой стране.

И вот они пошли бодро вперед. Мальчик вырезал себе из молодого дуба хорошую палку, чтобы защищать себя и свою сестру. Но никакой беды с ними не случилось.

Раз пришли они к перекрестку; две совершенно одинаковые дороги шли в разные стороны, и дети не знали, которую из них выбрать. Вдруг они услышали пение двух маленьких птичек на дороге влево.

– Пойдем, – сказал брат, – вот наша дорога, я это слышу по щебетанию птичек.

– Да, – сказала сестра, – эти птички не простые. Это Божьи ангелы, которые преобразились в птичек, чтобы указать нам путь на родину.

Они пошли дальше, а птички летели перед ними, перелетая с ветки на ветку, но так, что они могли спокойно следовать за ними. Дети питались лесными ягодами и фруктами, пили студеную ключевую воду, а ночью спали на мягкой постели из мха. И им казалось удивительным, что куда бы они ни пришли днем, они находили пищу, где бы им ни приходилось останавливаться вечером, они находили место для отдыха. Они не могли себе объяснить этого. Но каждый раз, как они увидят птичек, они восклицали:

– Это Божьи ангелы ведут нас! – и так они шли все дальше и дальше...

Наконец девочка начала уставать и сказала мальчику:

– Когда же мы начнем искать нашу березу?

– Не раньше, чем мы услышим, что народ вокруг нас говорит на том же языке, на котором говорили наши родители, – отвечал мальчик.

И опять они долго шли по дорогам к западу и к северу. Лето стало приходить к концу, и в лесу стало холодно. Девочка спросила:

– Не видать ли теперь нашей березы?

– Нет еще, – отвечал мальчик.

Страна, по которой они теперь шли, имела уже другой вид. До сих пор они все шли по большим равнинам, тогда как теперь на каждом шагу встречали холмы, горы, реки и большие озера. Девочка спросила:

– Как мы перейдем через высокие горы?

– Я понесу тебя, – отвечал мальчик, и он нес ее.

Опять девочка спросила:

– Как переправимся мы через быстрые реки и через большие озера?

– Мы будем грести.

И он греб, и они переправлялись через реки и озера, так как, к какому берегу они бы ни подходили, везде находили они лодку, точно нарочно для них приготовленную. Но некоторые реки мальчик переплывал со своей сестрой. И плыть им было легко, как водяным птицам: ангелы в образе птичек летели около них и облегчали им путь.

Однажды они с раннего утра все шли не отдыхая и очень устали. К вечеру пришли они к одинокой избе, которая была только что отстроена на том самом месте, где сгорела старая изба. На дворе стоял ребенок и чистил репу.

– Дай нам репку, – попросил мальчик.

– Войдите, – отвечал ребенок, – мать накормит вас.

Услыша ответ, мальчик захлопал в ладоши и стал обнимать и целовать ребенка, плача от радости.

– Чему ты так радуешься, брат? – спросила удивленная девочка.

– Как мне не радоваться? – отвечал мальчик. – Ведь этот ребенок говорит на языке наших родителей. Теперь можно начать искать нашу березу и звездочку.

Они вошли в избу, где их ласково приняли. Хозяйка спросила их, откуда они шли.

Мальчик отвечал:

– Мы пришли из чужой страны и ищем наш дом, но мы не знаем другой приметы, как только той, что на дворе стоит береза, в ветвях которой утром поют птички, а вечером сквозь листву этой березы светит ясная звездочка.

– Бедные дети, – грустно сказали хозяйка. – На земле растет много тысяч берез, а на небе светит много тысяч звезд. Как же найти вам в таком множестве вашу березу и вашу звездочку?

Дети отвечали:

– Бог укажет нам. Разве не привели нас его ангелы по длинным-длинным дорогам на родину? Ведь мы почти уже дома.

– Финляндия велика, – сказали хозяева и покачали головой.

– Но Бог еще больше, – отвечал мальчик.

Поблагодарив хозяев, брат с сестрой снова отправились в путь. Теперь им уже не надо было больше есть и спать в лесу, так как они переходили от одного жилища к другому и, хотя повсюду была большая нужда, они везде находили убежище и кусок хлеба – все жалели их. Но ни березы, ни звездочки они не находили. Переходя с одного двора на другой, они искали их и находили много берез и много звездочек, но не те, которые они искали.

– Ах, – вздыхала девочка, – Финляндия такая большая, а мы такие маленькие! Никогда не найти нам нашего дома.

Но мальчик укорял ее и говорил:

– Веришь ли ты в Бога?

– Да, – отвечала девочка.

– Тогда ты должна знать, что бывали и не такие чудеса. Когда пастухи шли ночью в Вифлеем, то их вела звезда. И нас она также ведет, лишь бы мы верили.

– Да, – сказала девочка, как она обыкновенно говорила брату. И снова пошли они дальше со светлой верой.

Наконец пришли они раз вечером к одинокому дому. Было это уже на втором году их странствия. Был Троицын день, и пришелся он на конец мая, когда первая весенняя зелень только что начинает распускаться на деревьях. Как только они вошли через калитку во двор, они увидели большую березу с нежной светло-зеленой листвой, сквозь которую в полусумраке вечера ярко светила звездочка. В это время года вечера уже были такие светлые, что эта звездочка была единственная, которую видно было на небосклоне, так как она была самая большая и самая яркая.

– Это наша береза! – сейчас же воскликнул мальчик.

– Это наша звездочка! – сейчас же ответила девочка.

И они бросились друг другу в объятия, благодаря Бога и проливая счастливые слезы.

– Вот место, через которое отец вводил лошадей, – сказал мальчик, припоминая.

– А я узнаю колодец, у которого мать поила коров, – сказала девочка.

– Там, под березой, два маленьких креста: что это значит? – спросил мальчик.

– Мне так страшно войти в дом, – сказала девочка. – Что, если родителей нет больше в живых или вдруг они не узнают нас! Иди вперед, брат!

– Давай послушаем сперва у дверей, – сказал мальчик, и сердце его сильно билось.

В горнице сидел старик со своей женой; собственно, ни тот, ни другой не были стары, но горе и нужда изборождали их лица морщинами.

Муж сказал жене:

– Да, вот и Троицын день, день, в который Господь ниспослал утешителя сокрушенному сердцу; нам же нет утешения. Мы потеряли всех четверых детей: двое спят под березой, двое в неприятельской стране и никогда больше не вернутся к нам. Тяжело под старость быть одним.

Жена сказала:

– Разве Господь не всемогущ и не всеблагий? Он, Который вывел сынов Израиля из плена, Он может и нам вернуть наших детей, если найдет это нужным. Сколько лет должно было бы быть теперь нашим младшим детям, если бы они были живы?

Отец отвечал:

– Мальчику должно было бы быть шестнадцать лет, а девочке пятнадцать. Нет, мы не заслужили такого счастья, чтобы снова иметь наших милых детей у нас.

В это время отворилась дверь и в горницу вошли мальчик и девочка, сказали, что идут издалека, и попросили кусок хлеба.

– Подойдите, дети, – сказал отец, – и останьтесь у нас переночевать! Ах, такие были бы теперь наши дети, если бы мы не потеряли их.

– Какие славные дети! – сказала жена. – Ах, такие были бы и наши, если бы они были живы и были бы с нами.

И оба горько заплакали. Тогда дети не могли больше скрываться, они со слезами бросились к отцу и матери в объятия и воскликнули:

– Разве вы не узнаете нас? Мы ваши милые дети, и это Господь чудесным образом привел нас к вам из чужой страны.

Тогда родители прижали их к своему сердцу с неизъяснимой любовью, и все бросились на колени, чтобы возблагодарить Бога, который именно в Троицын день послал им такое утешение.

Потом дети рассказали им про свою жизнь, а родители рассказали им о себе, и хотя как с той, так и с другой стороны было много горя, но оно было как будто совсем забыто и превратилось в большую радость. Отец радовался, видя своего сына таким мужественным и сильным, а мать не могла налюбоваться на свою дочку и, глядя ее темные волосы без конца, целовала ее цветущие щеки.

– Да, – сказала мать с детской радостью, – недаром две чужеземные птички так весело пели сегодня на березе: я так и думала, что должно случиться что-нибудь хорошее.

– Я знаю этих птичек, – сказала девочка. – Это два ангела в образе птичек, они все время летели впереди нас и указывали нам путь, а теперь они радуются вместе с нами, что мы нашли наконец наш дом.

– Пойдем поздороваемся еще раз с березой и звездочкой, – сказал мальчик. – Посмотри, сестра, под березой спят наши брат и сестра. И если б это были мы на их месте под этим зеленым бугорком, а они стояли бы вместо нас и смотрели бы на нашу могилку, что было бы с нами тогда?

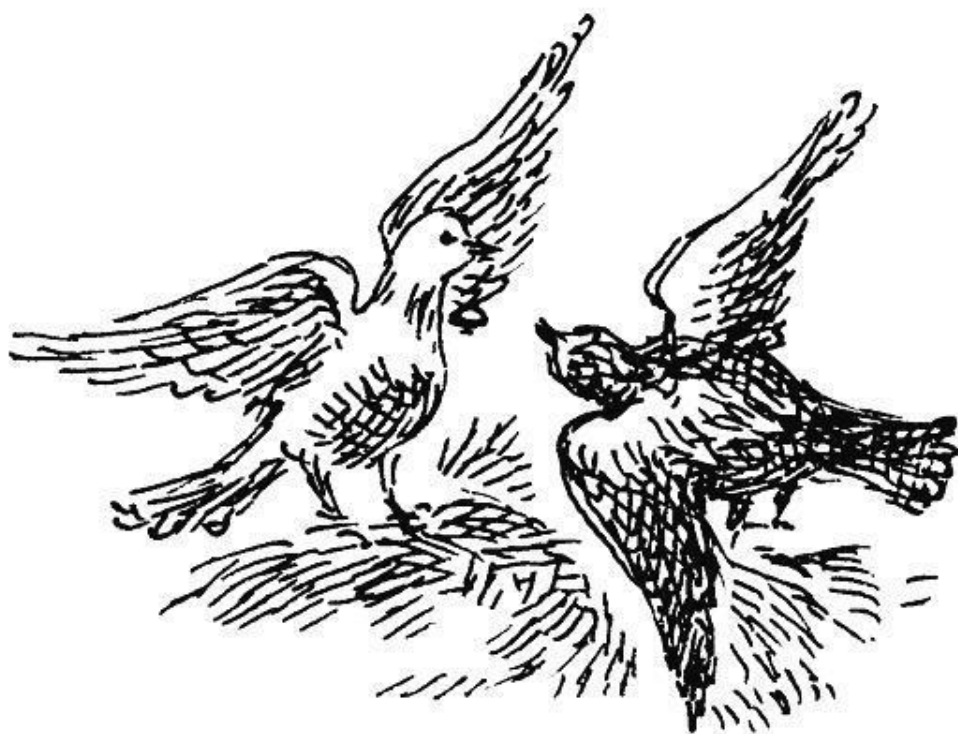
– Вы, конечно, были бы тогда ангелами Божиими, – нежно ответила мать.

– Теперь я знаю, – сказала девочка. – Ангелы в образе птичек, которые показывали нам дорогу и которые сегодня в ветвях березы возвестили о нашем возвращении, это наши маленькие сестра и брат, которые спят в могилке. Это они постоянно твердили нам в нашем сердце: «Идите домой, идите домой утешать ваших отца и мать!». Это они показывали нам путь в необитаемых местах, так что мы не умерли с голоду; это они приготавливали нам постели из мха, так что мы не замерзли, и они же приготавливали нам лодки, так что мы не утонули. А сегодня они сказали нам: «Вот это ваша береза и ваша звездочка среди тысячи подобных им». Бог избрал их и послал к нам в защиту. Благодарю вас, сестрица и братец! Благодарю тебя, Боже!

– Да, – сказал мальчик, – посмотри, как ясно светит звездочка сквозь листву березы! Теперь мы нашли наш дом, теперь мы не пойдем дальше, сестра!

– Милые дети, – сказал отец, – жизнь человека на земле состоит в вечном странствии к вечной цели! Продолжайте идти вперед, идите с Богом в сердце к вечной цели! Вы бодро шли вперед, имея ангелов путеводителями; о, пусть они и впредь указывают вам путь! Вы стремились к березе: она для вас означала родину. Хорошо, пусть родина будет целью вашей любви и вашей работы всю вашу жизнь! Вы стремились к звездочке: она означает жизнь вечную. Хорошо, пусть звездочка эта светит всю вашу жизнь!

– Аминь, да будет так! – сказали дети и мать, набожно складывая руки.

Бьерн Скуг

Много лет тому назад жил в городе Раумо (в Финляндии) богатый купец по имени Гульдберг; да и чего бы, кажется, ему не доставало? У него был большой нос, маленький мальчик и много кораблей, которые привозили из дальних стран кофе, сахар, имбирь, кардамон и мускатный орех.

Никогда ни с одним из его кораблей не случалось несчастий; только раз с одним большим кораблем по имени «Нептун» случилось большое несчастье. Этот корабль, которым управлял капитан Скуг, шел из Америки с грузом хлопка. Хлопок загорелся, и «Нептун» сгорел в океане со всем своим грузом. Сгорел также и капитан, так как он не хотел покинуть погибавший корабль до самой последней минуты.

Гульдберг горевал о погибшем корабле, как будто половина его сердца сгорела на море, и никогда не мог он простить капитану Скугу, что хлопок загорелся. Зачем капитан купил такой хлопок? Да, может быть, хлопок загорелся и не сам собой? Может быть, матросы ходили в трюм с огнем? И почему это капитан Скуг не наблюдал лучше за порядком на корабле?

Когда экипаж погибшего корабля возвратился в Раумо, то матросы под присягой давали показания.

Все поклялись, что капитан Скуг соблюдал образцовый порядок и, как капитан, был мастер своего дела. Но Гульдберг этому не верил. Скуг уже давно должен был ему некоторую сумму, которую Гульдберг и взыскал с вдовы погибшего.

Вдова капитана Скуга была очень бедна, у нее был маленький мальчик по имени Бьерн. Она должна была продать свой маленький домик, чтобы заплатить Гульдбергу долг мужа, и теперь она не знала, как ей прокормить себя и своего милого мальчика.

К несчастью, она была красива. И вот в один прекрасный день купец Гульдберг, который также был вдов, нарядился в синий фрак с блестящими пуговицами, красный жилет и белые панталоны, явился с большим своим носом к вдове Скуга и сказал:

– Сударыня, ваш муж, как вам известно, сжег мой корабль; как могли вы когда-нибудь связать свою жизнь с таким человеком? Но я великодушно прощаю вам этот необдуманный шаг, вас ожидает великая честь: вы будете моей женой. Надеюсь, это вас очень радует.

Бедняжка вовсе не обрадовалась этой чести, но что же ей было делать. У нее был маленький мальчуган, который хотел кушать и которому было холодно, а потому скрепя сердце она дала свое согласие и стала женой Гульдберга. Маленького Бьерна захватили в придачу, и он стал пасынком Гульдберга.

Родного сына Гульдберга звали Моисеем, но так как он шепелявил и не мог как следует произносить своего имени, то его прозвали Мозепом. Его кормили сдобными булками и миндальным молоком, наряжали в бархатные платья, жил он в комнатах у папеньки и мог делать все, что ему угодно. Бьерн ел сухой хлеб со слугами, спал в людской на соломе, одевался в грубое поношенное платье и был на побегушках. Ему приходилось много работать, часто его незаслуженно секли, Мозеп колотил и дразнил его. Конечно, хорошо воспитываться в более веселой и хорошей обстановке, но не всегда дурно претерпеть горе и нужду. Из Мозепа вышел негодный и ленивый мальчишка, тогда как Бьерн вырос и окреп, и стал скромным, ловким и отзывчивым на все хорошее. Иногда, когда Мозеп бил его и сваливал на него свои шалости, Бьерну неудержимо хотелось бежать далеко, куда глаза глядят. Но его удерживала мысль о том, как плакала бы его мать, а этого он не хотел. Ее жизнь и так была несладка, но у нее была одна радость. Когда Гульдберг уезжал на одном из своих кораблей, а Мозеп валялся, объевшись сладким, мать Бьерна звала к себе своего милого мальчика, мыла и чесала его, давала ему булку с молоком, учила его читать Божье слово и уговаривала его всегда быть терпеливым, прилежным и любящим, всегда говорить правду, всегда бояться Бога и надеяться на Его помощь.

– Не горюй, мой мальчик, – говорила мать, – теперь ты несчастное, маленькое создание, но настанет время, и ты с Божьей помощью станешь человеком.

– Ты думаешь, мама? – спрашивал Бьерн.

– Да, я в этом уверена, – отвечала мать.

– Я буду стараться, – говорил Бьерн.

Как-то раз летом Гульдберг отправился на своем корабле «Аполлон» в Стокгольм и взял с собой обоих мальчиков. Они шли мимо Оландских островов, ветер был попутный, погода хорошая. Мозеп валялся в каюте и читал романы. Бьерн прислуживал в каютах и был у всех на побегушках. Он уже успел вымыть палубу, перемыть тарелки, вычистить сапоги, слазил на марс, чтобы поправить большой парус, когда вдруг раздался голос Гульдберга:

– Бьерн!

– Хозяин! – отвечал Бьерн.

Он никогда не решился бы назвать своего отчима иначе.

– Вычисти мои трубки!

– Сейчас, хозяин!

– Да смотри, будь поосторожнее с трубкой из морской пенки в серебряной оправе. Помни, дуралей, что она стоит сто рейхсталеров (пятьдесят рублей).

– Хорошо, хозяин!

Бьерн стоял у борта на палубе и чистил трубки, вдруг сзади подошел Мозеп, ткнул его булавкой и спросил:

– Что ты тут делаешь, Бьерн?

– Я чищу трубку хозяина.

– Давай-ка я помогу тебе! – сказал Мозеп, схватил пенковую трубку и начал ей стучать по борту, как делал иногда его отец. Но трубка была без шнурка и слабо вставлена в стержень. Не успел Мозеп оглянуться, как трубка упала в море и исчезла в волнах.

Бьерн так растерялся, точно он сам свалился в море. Но Мозеп был находчивый малый и сказал:

– Зачем ты меня толкнул?

– Разве я толкал тебя? – спросил изумленный Бьерн.

– Конечно, ты толкнул меня, – сказал Мозеп.

В эту минуту он увидел большой нос отца и еще громче закричал, притворяясь, что плачет:

– Зачем ты меня толкал? Вот из-за тебя я уронил папину любимую трубку!

Гульдберг был такой человек, что терял всякое благоразумие, когда был очень зол.

– Вот как, – сказал он, – этого еще мало, что твой отец сжег мой лучший корабль; теперь ты швыряешь в море мою самую дорогую трубку!.. Штурман! Пусть спустят челнок, а в него бросьте Бьерна, и пусть он убирается на все четыре стороны!

Штурман был в большом смущении, но не посмел послушаться. В несколько минут челнок был спущен, Бьерн брошен в челнок, и штурман едва успел бросить ему один хлеб.

– Отправляйся-ка да поищи теперь мою трубку! – закричал Гульдберг с палубы.

Корабль «Аполлон» быстро летел по попутному ветру, и скоро маленький челночок остался далеко позади.

Бьерн был так поражен всем происшедшим, что начал сам себя спрашивать, уж не толкнул ли он и вправду своего сводного брата? Честному мальчику трудно понять, как другой мальчик может лгать. Но когда корабль «Аполлон» все больше и больше удалялся от него, когда наконец стало видно только небольшое белое пятнышко на горизонте, тогда только Бьерн заметил, к своему ужасу, что он был один в маленькой лодочке в открытом море. Большие рыбы плавали вокруг челнока, дельфины пускали струи воды, тюлени высывали из воды свои темно-коричневые собачьи морды. Никто из них не мог ему помочь.

Ветер все усиливался, море покрылось белой пеной; наступил вечер, стало темно, а Бьерн неся в своей лодочке навстречу ночи и смерти.

И никому-то на всем белом свете не было дела до этого бедного маленького мальчика, брошенного на произвол судьбы.

Никто и не подумает о нем; он утонет в море, волны сомкнутся над его головой, к утру не видно будет и пузырька после него на темном море, корабли пройдут над ним, и матросы будут распевать свои веселые песни, как и прежде.

Впрочем нет, есть на свете одно существо, которое будет горевать по нему – его мать. Когда Бьерн вспомнил о ней, он заплакал. Но, наплакавшись, он проголодался и начал есть сухой хлеб. Это укрепило и ободрило его. Бог никогда не оставляет несчастных и всеми покинутых: Он поддерживает их и вливает бодрость в их душу.

Бьерн не мог понять, как это у него вдруг стало так легко на душе. Он вспомнил, как учила его мать в горе и нужде прибегать к Господу и надеяться на Него. «Не помолиться ли мне?» – подумал он.

Вначале это не совсем-то удавалось. Громадные волны так и ходили, челнок бросало, как щепку: его то поднимало, точно на высокую гору, то швыряло в бездонную пропасть. Нелегко было собрать мысли. Бьерн говорил все молитвы, которым учила его мать; он точно отвечал затверженный урок, это были слова без мысли, но скоро он начал молиться сам.

– Боже! – говорил он. – Я несчастный маленький мальчик, рука моя слаба, и я не могу бороться с бурным морем. Но Ты, о Господи, всемогущ и велик, Ты сильнее морских волн, буря слушается Твоих повелений. Ночь и смерть не причинят мне зла, если ты запретишь им это. Я надеюсь на Тебя, Господи. Ты всегда был добр ко мне, не оставь меня и теперь: пусть ангелы Твои сойдут на воду и повелят волнам не трогать меня. Я хочу быть Твоим дитятей, Господи, и спать под Твоей защитой. Благодарю Тебя, Боже! Покойной ночи, темное море! Покойной ночи, светлые звездочки! Покойной ночи, мама!..

И маленький Бьерн сладко заснул на дне челнока посреди открытого моря.

Было совсем темно и не было видно, что далеко в море над пенистыми волнами возвышался мягкий, светло-зеленый бережок. Это были острова Сновидений. Там сидел на бархатистой травке добрый старичок Нукку-Матти, которого шведы называют Ион Блунд, а датчане

Оле-Лук-ойе. Он пристально вглядывался в темное пространство и увидел лодочку, которую ветер бросал, как мячик.

Нукку-Матти забросил в море нити тонкие, как паутина, вытащил челнок на берег и повел Бьерна через серебряные залы к постели из роз. Тут наготове стояли уже тысячи сновидений в пестрых нарядах бабочек, они легко вспорхнули и привели к Бьерну его милую маму. Он чувствовал ее мягкую руку на своей голове, он чувствовал ее поцелуй на своем лбу, он слышал ее милый голос, который нашептывал ему:

– Будь мужествен, мой мальчик. Будь всегда правдив, будь терпелив и скромн; Господь не оставит тебя, и из маленького Бьерна еще выйдет человек.

Старый Нукку-Матти стоял тихо и неподвижно около мальчика. Только одно из сновидений долго жужжало, точно пчела, мальчику на ухо и упрямо твердило:

– Три вещи, три вещи, три вещи!

– Да перестань ты, – сказал Бьерн сновидению, – что ты пристаешь с твоими вещами, что я с ними буду делать? Ведь сон – это все равно что воздух.

Ночь прошла, занялась утренняя заря. Бьерну казалось, что над ним возвышается крыша и превращается в небо, что его окружают стены и превращаются в прозрачный воздух, пол начинает колебаться и превращается в тихо переливающееся море. Тогда побледнели все бриллианты и кристаллы в гроте на острове Сновидений, легкая розовая дымка опустилась на все, и тихая музыка, которая всю ночь звучала в гроте, превратилась в однообразный рокот волн. Бьерн почувствовал, как по лбу и волосам прошел свежий ветерок, открыл глаза и с удивлением оглянулся. Над ним простиралось небо, под ним волновалось море, и он вдыхал свежий, утренний воздух. Бьерн лежал на дне лодки, а шляпу его сдуло ветром в море.

«Я видел сон, – подумал он, – и Бог охранял меня. Благодарю Тебя, Боже!»

Затем Бьерн принялся есть остатки хлеба. Он почувствовал жажду: вода была соленая, невкусная, но в случае крайности ее все-таки можно было пить.

Вдруг, к своему великому удивлению, Бьерн увидел совсем вблизи большой корабль без мачт; его беспомощно носило по морю. Ночь была бурная, и хотя буря уже почти прошла, но по морю все еще ходили большие волны. Бьерн взялся за весла и подъехал к кораблю. Это действительно был большой нагруженный корабль, у которого образовалась течь во время бури; мачты на нем срубили, чтобы помешать кораблю опрокинуться. Он уже еле держался на воде, и видно было, что экипаж его бросил. Бьерн несколько раз крикнул. Никто не отвечал. Тогда он смело влез на палубу.

Тут в беспорядке валялись снасти, товар и разные обломки. В трюме видно было много дорогого товара, но нигде не было видно ни одной живой души. Бьерну стало жутко, и он хотел уже спуститься в свой челнок, как вдруг послышалось жалобное блеяние с передней части корабля.

Это блеяла коза, которую Бьерн нашел привязанной в одной из перегородок на палубе. Бьерн отвязал ее, захватил хлеб, плававший в воде, и снова хотел спуститься в свою лодку. Ему пришлось пройти по воде мимо спуска в каюту; там плавало много разных вещей, и вдруг он вспомнил странный сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.